

АСПЕКТУАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

И. П. Кудреватых,

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка

«Категориальная ситуация – это выражаемая в высказывании типовая сигнификативная ситуация, выделяемая на основе принадлежности ее элементов к тому или иному функционально-семантическому полю» [1, с. 20]. Выявление функционально-грамматических и стилистических категорий художественного текста дает возможность, с одной стороны, установить особенности взаимодействия лексико-грамматического и стилистического уровней в организации текста, направленных на его адекватное понимание, а с другой – определить особенности авторского мировосприятия. При установлении синтагматической зависимости языковых единиц эксплицируются категориальные ситуации, различающиеся в художественном тексте и способами экспликации, и стилистическим назначением. Так, у М. Лермонтова глагольные структуры, совмещая различные грамматико-стилистические категории (аспектуальности, залоговости, модальности) способствуют созданию определенной оценочности, т. к. становятся экспрессивными точками повествования. Причем именно аспектуальность со значениями ‘длительность, многократность, интенсивность протекания действия’ предельных глаголов – грамматическая особенность прозаических произведений писателя, и именно глагольные формы выступают характерологическим признаком словообраза и определяют динамизм повествования, являясь своего рода «полем напряжения», например: *Я подкрался и прилег; одному из нас несдобровать; цветок... надо сорвать... и... бросить на дороге; разрушать чужие надежды* («Герой нашего времени»); *лучше издохнуть, чем лизать руку; он решил завлечь ее в свои помыслы; его душа хотела вырваться, обнять... и потом сокрушить; он не мог вырваться* («Вадим»). Глаголы у Лермонтова самодостаточные, несущие оценочную модальность, которая дополняется квалификативным типом именных структур.

Видо-временные формы глаголов в произведениях М. Лермонтова богаты аспектуальными значениями, основным из которых является темпоральная оппозиция настоящее постоянное/имперфект с преобладающей формой презенса. Такое соотношение семантики предикатов создает единый повествовательный план – настоящее постоянное, нелокализованное во времени с ярко выраженной модальностью и экспрессивностью. Поэтому в прозе Лермонтова отсутствует процесс развития, нет будущего предвидения событий, что объясняется личностью самого писателя: сопоставляя настоящее с прошлым, он не выводит первое из второго, а противопоставляет одно другому, считая, что вслед за плохим настоящим наступит плохое будущее [2].

В рассказах И. Бунина аспектуальность не несет такой информативной нагрузки, т. к. ассоциативные отношения структурных единиц хорошо прослеживаются на лексическом уровне, художественная емкость которых связана с концептами качественной семантики различной степени интенсивности. И все же можно установить тот потенциал категориальных значений, который определяет развертывание словообраза в рассказах И. Бунина («Тишина», «На хуторе», «Косцы» и др.). Временные отношения в произведениях И. Бунина характеризуются одномерностью и упорядоченностью действий и определяются типом повествования – субъективированным либо объективированным. Основная глагольная форма при повествовании от 3-го лица – прошедшее время с аспектуально-темпоральными семами длительности, повторяемости и результативности действий, локализованных во времени. Дистантные отношения временных планов ядерных структур рассказов характеризуются разнообразием: это и эквиполентные оппозиции, и отношения контраста, которые меняют функциональное содержание грамматических структур, и отношения тождества. При субъективированном повествовании основой временных отношений является прошедшее локализованное и настоящее постоянное, вневременное соответственно акциональной / неакциональной семантики. Именно имперфект создает впечатление размеренности, неторопливости, гармонии в природе, причем глагольные формы, на первый взгляд, статичны. В результате – повышено-эмоциональное восприятие природы. Но по мере развития образа впечатление статики исчезает, т. к. название требует активизации определенных смысловых значимостей. Кроме того, оппозиция имперфект/перфект способствует появлению определенных ассоциаций, например: краткий миг своего существования человек может осмыслить только на фоне вечного, безмятежного: *И все же мы несчастны! В чем дело? В кратковременности нашей, в одиночестве, в неправильности нашей жизни? ... Красота новой для нас природы... волновала нас юношеской жаждой возвысить до нее нашу жизнь, наполнить ее истинными радостями и разделить эту радость с людьми* («Тишина»).

Таким образом, грамматически доминирующей аспектуально-темпоральной ситуацией у И. Бунина является оппозиция прошедшего ретроспективного / прошедшего в значении настоящего, причем автор не противопоставляет настоящее и прошлое, а выводит одно из другого как закономерность, как результат. Более того, прошлое иногда тесно переплетается с настоящим, создавая двуплановость восприятия. И как результат – символически актуализированное философское обобщение со значением вневременности и внепространственности. Этому способствуют семантическое развитие слова в виде веерообразного излучения, или так называемая «иррадиация экспрессии» [3], а также функциональная нагруженность языковых единиц, определяющая логико-синтаксические отношения между ними.

Структура образов А. Куприна поданная в грамматически прошедшем времени, охватывает все разновидности действия, поэтому аспектуальность проявляется в значениях длительности, постоянности, повторяемости действия, локализованного во времени, осложненного модальностью как выражением функционального содержания категории аспектуальности. Например, в романе «Колесо времени» синтаксическое значение ядерных структур рассказчика и героини подано в позиции актива, что связано с проявлением воли, решительности героев, либо неуверенности в себе. Например, ядерные структуры образа героини: *Когда я увидела тебя в первый раз, то мгновенно почувствовала, что ты будешь моей радостью и я буду твоей радостью; Я нашла и себя, и тебя, и ту вечную любовь, о которой мечтают все влюбленные...* Или образа рассказчика: *Я человек не опустившийся, а так сказать опустошенный. Опустела душа; Я покорен велениям судьбы.* Однако вариации временных форм различны. В характеристике героини оппозиция настоящее / будущее является показателем ее мечтательности, наивности, в характеристике рассказчика настоящее постоянное определяет данный образ как человека искушенного, трезво оценивающего жизненные ситуации. Например, его рассуждения о любви: *В каждом большом счастье есть тот неуловимый момент, когда оно достигает зенита. За ним следует нисхождение* и т. д.

Настоящее постоянное, или настоящее рассказа, придает тексту большую изобразительность, но, контрастируя с временным планом образа героини, меняет свою актуализацию, внося признаки отрицательного импликационала – покорность судьбе. Более того, сопоставляя аспектуальные значения предикативных рядов, четко определяется их функциональное содержание: длительность, непрерывность действия с различными модальными оттенками потенциальности, например, в образе героини: *будешь моей радостью; она... неутомима в своей щедрости; благодарю тебя за счастье;* или в образе рассказчика: *терять счастье, каяться; потерять прелесть и оригинальность; покушение на мою свободу* и др.

Таким образом, категория аспектуальности у М. Лермонтова, находящая выражение в длительности, многократности и интенсивности действия, проявляется в оппозиции настоящее постоянное/имперфект, в результате складывается единый повествовательный план – настоящее вневременное. У И. Бунина аспектуальность представлена оппозицией прошедшего ретроспективного/прошедшего в значении настоящего со значениями длительности, повторяемости действия, осложненного качественной семантикой. У А. Куприна аспектуальность предикативного ядра выражается значениями ‘длительность, постоянность, многократность’ протекания действия. Прошедшее время, охватывающее все разновидности действия, выступает основной категориальной связью членов предикативных единиц.

1. Бондарко, А. В. Грамматическая форма и контекст (О понятиях «частное значение», «функция грамматической формы» и «категориальная ситуация») / А. В. Бондарко // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградовские чтения. – XII – XIII. – М. : Наука, 1984. – С. 13 – 32.

2. Егоров, Б. Ф. Категория времени в русской поэзии XIX в. / Б. Ф. Егоров // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л. : Наука, 1974. – С. 160 – 172.

3. Некрасова, Е. А. Метафора и ее окружение в контексте художественной речи / Е. А. Некрасова // Слово в русской советской поэзии. – М. : Наука, 1975. – С. 76 – 110.

ЭЛЕМЕНТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАРОДА В НАЗВАНИЯХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ

Е. Л. Кузнецова, Белорусский государственный медицинский университет

В данной работе рассматриваются русские диалектные названия травянистых лекарственных растений, мотивированные лексемами, относящимися к реалиям духовной культуры русского народа. Цель работы – классифицировать данные фитонимы в соответствии с тем, какие стороны духовной жизни нашли отражение в этих наименованиях.

К первой группе относятся фитонимы, в которых прослеживается связь с христианским мировоззрением и с различными народными праздниками: *ивáнские венчики*, *купáльница* (*Coronaria flos-cucūli*, *горицвет кукушкин цвет*) [7, XII, с. 57; XVI, с. 98]; *егорьево копьё* (*Dianthus*, *гвоздика*; *Geranium pratense*, *герань луговая*; *Veronīca longifolia*, *вероника длиннолистная*) [7, XIV, с. 307]; *Аграфена-Купáльница*, *петрóвка* (*Dianthus deltoīdes*, *гвоздика травянка*) [7, XVI, с. 98; XXVI, с. 330]; *боговы грабелъки* (*Geranium pratense*, *герань луговая*) [7, VII, с. 104]; *плаку́н*, *плаку́н-трава* (*Hyperīcum*, *зверобой*) [7, XXVII, с. 77 – 78]; *святáя рябинка* (*Veronīca chamaedrys*, *вероника дубравная*) [7, XXXVII, с. 7]; *Иисуса Христа копьё* (*Veronīca longifolia*, *вероника длиннолистная*) [7, XIV, с. 307]; *ильи́нская трава* (*Parnassia palustris*, *белозор болотный*) [7, XII, с. 185]. Так, в названии *егорьево копьё* существительное включает в себе сравнение различных органов растений с копьём. Данное наименование связано с именем святого Георгия (имя святого изменилось сначала в Гюргия, Юргия, Юрья – в письменных актах, и в Егорья – в живом языке). Егорий изображается на серой лошади с копьём в руках [5, с. 362 – 363]. Название *зверобой плаку́н-трава*, согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, связано с глаголом *пла́кать*. По народному поверью, эта трава произошла от слез, пролитых Богородицей за Христа. Ее кроваво-красный сок заставляет плакать нечистую силу [8, с. 272 – 273]. В многословных наименованиях *боговы грабелъки*, *святáя рябинка* и *Иисуса Христа копьё* эпитеты, представляющие собой согласованные и несогласованные определения, иллюстрируют в целом исцеляющее предназначение растений, способность помогать при многих недугах; основные же существительные указывают на особенности строения растений. Остальные наименования из данной группы происходят от